

Саша Вей

*Золотая
клетка.
Цена
моей
покорности.*

18+

Саша Вей

Золотая клетка. Цена моей покорности.

<https://litres.ru/74008241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, от ненависти до любви один шаг. Но как выжить, если человек, без которого ты не можешь дышать, оказался твоим личным дьяволом?

Я пришла к безжалостному миллиардеру с дурной славой, — чтобы спасти отца от тюрьмы и разорения. Я думала, что просто заключаю сделку: моя свобода и покорность в обмен на его помощь.

Но я влюбилась в собственного тирана. Его властные объятия стали моим наркотиком, а обжигающие поцелуи заставили забыть о гордости.

Разум кричит: беги, спасайся! Но тело предает. Он — чудовище в идеальном смокинге, одержимый хищник, который сожжет этот мир дотла, если я сделаю хоть шаг за порог. Я знаю его самую страшную тайну.

Так почему же, когда он прижимает меня к себе и шепчет: «Ты никуда не уйдешь», я больше всего на свете боюсь, что он меня отпустит?

В книге вас ждут:

Одержимый, властный и очень опасный герой

Вынужденный брак / Сделка

От ненависти до болезненной любви

Острота эмоций и страсть на грани

Тайна, переворачивающая всё с ног на голову.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	15
Глава 3.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Саша Вей

Золотая клетка. Цена моей покорности.

Глава 1.

Глянцевые журналы называют меня самой счастливой женщиной года. Они посвящают целые развороты моей «сказке, ставшей явью», восхищаются моим безупречным стилем и завидуют тому, как он на меня смотрит.

Они ошибаются во всем.

Сказки не начинаются с шантажа, а кольцо от Cartier с редкими черными бриллиантами, которое сейчас холодит мою ключицу, — это не подарок. Это ошейник. И самое страшное, самое болезненное во всей этой истории заключается в том, что я сама принесла ему поводок, умоляя затянуть его потуже.

— Улыбнись, Аврора, — его голос, низкий и обволакивающий, как дорогой выдержанный коньяк, звучит у самого моего уха. — Нас снимают.

Я послушно растягиваю губы в идеальной полуулыбке, отрепетированной перед зеркалом сотни раз, и поворачиваю голову к вспышкам камер. Моя спина выпрямлена так, слов-

но я проглотила стальной прут. Моя рука покоится на сгибе его локтя, и сквозь плотный черный бархат его смокинга я чувствую жар его тела. От этого жара по моим венам разливается ядовитый, сладкий трепет, который я ненавижу всей душой.

Дамиан Стерн. Финансовый гений. Меценат. Аристократ с манерами британского лорда и безжалостностью средневекового инквизитора. Человек, который одним росчерком пера стирает с лица земли многомиллионные корпорации и ломает человеческие судьбы так же легко, как другие ломают спички.

Мой жених. Мой личный тиран. Моя персональная бездна.

Мы стоим на балконе бального зала в особняке конца девятнадцатого века. Внизу, под хрустальными люстрами, кружится высший свет столицы — политики, банкиры, звезды шоу-бизнеса. Благотворительный вечер, где каждый входной билет стоит больше, чем обычный человек зарабатывает за всю жизнь. Но все эти люди — просто массовка в театре одного актера. В театре Дамиана.

Я смотрю, как толпа внизу буквально расступается перед нами, когда мы начинаем спускаться по мраморной лестнице. Люди не просто проявляют уважение — они излучают первобытный, животный страх. Я вижу это в подобострастных улыбках, в том, как мужчины нервно поправляют галстуки, а женщины опускают глаза, боясь встретиться с ним

взглядом.

Внезапно путь нам преграждает мужчина. Он выглядит старше своих лет, его смокинг сидит нелепо, а на лбу блестит испарина. Я узнаю его — Илья Волков, владелец крупной строительной компании. Вернее, бывший владелец.

— Дамиан Викторович, — голос Волкова дрожит, он буквально заламывает руки, блокируя нам последнюю ступеньку. — Прошу вас. Всего минута. Вы заблокировали мои счета. У меня жена в клинике, операция назначена на послезавтра. Вы забрали компанию, хорошо, я подписал бумаги! Но дайте мне хотя бы личные средства! Умоляю, это вопрос жизни и смерти!

Музыка в зале не смолкает, но кажется, что время вокруг нас останавливается. Люди отворачиваются, делая вид, что ничего не замечают, но я чувствую, как сотни ушей обращены в нашу сторону.

Дамиан не меняется в лице. Его профиль остается безупречным, высеченным из холодного мрамора. Он даже не отпускает мою руку.

— Илья, — произносит Дамиан так тихо, что его слова слышим только мы трое. Но в этой тишине столько ледяной власти, что Волков вздрагивает, как от удара хлыстом. — Ты нарушил наше соглашение. Ты попытался спрятать активы в офшорах после того, как дал мне слово.

— Это были копейки! Я думал о семье! — Волков почти плачет, его глаза покраснели.

— В моем мире, — тон Дамиана становится еще мягче, и от этого у меня по спине бежит ледяной мороз, — слово стоит дороже любых денег. А человек, нарушивший слово, перестает для меня существовать. Уйди с моей дороги, Илья. Или завтра твоя жена проснется в палате государственной больницы на окраине города.

Волков бледнеет, словно из него разом выкачали всю кровь. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но, встретившись с черным, непроницаемым взглядом Дамиана, просто оседает, отступая в сторону. Раздавленный. Уничтоженный.

Дамиан спокойно делает последний шаг со ступеней, увлекая меня за собой в центр зала, будто только что отмахнулся от назойливой мухи.

Мое сердце колотится где-то в горле. Меня тошнит от его жестокости. Тошнит от того, как легко он распоряжается чужими жизнями. Но прямо сейчас, в эту самую секунду, когда он кладет свою большую, горячую ладонь мне на талию, притягивая к себе для танца, мое тело предает меня. Мое дыхание сбивается, а внизу живота стягивается тугой, горячий узел.

Я смотрю в его глаза — темные, как ночное море, — и понимаю самую уродливую правду о самой себе. Я боюсь его до одури, но я хочу его с такой же дикой, разрушительной силой.

Оркестр начинает играть медленный вальс. Мы скользим по паркету, идеально чувствуя ритм друг друга. Для всех

окружающих мы — идеальная пара, божества, сошедшие с Олимпа.

Никто не знает, что подкладка моего роскошного платья цвета изумруда пропитана холодным потом. Никто не знает, что в сумочке, которую я оставила на столике, лежит папка с документами, способными разрушить остатки моей семьи.

— Ты напряжена, моя птичка, — шепчет Дамиан, скользя губами по моему виску. Его дыхание пахнет мятой и чем-то темным, мужским, от чего у меня кружится голова. — Тебе жаль этого идиота Волкова?

— Мне жаль его жену, — с трудом выдавливаю я, стараясь не отводить взгляд. — Ты перешел черту, Дамиан. Оставлять больную женщину без помощи... это бесчеловечно.

Он тихо смеется. Этот звук вибрирует в его груди, отдаваясь в моей.

— Бесчеловечно? Возможно. Но я никогда не претендовал на роль святого, Аврора. Я беру то, что хочу. И я наказываю тех, кто пытается меня обмануть. Ты же знаешь это лучше других.

Мои пальцы, лежащие на его плече, непроизвольно сжимаются, сминая дорогую ткань смокинга.

Как я до этого дошла? Как я, гордая выпускница Сорбонны, искусствовед, чье будущее казалось светлым и кристально чистым, оказалась в объятиях чудовища?

Полгода назад мой отец, владелец сети картинных галерей, оказался в центре ужасающего скандала. Подделки. От-

мывание денег. Контрабанда. Грозил тюремный срок, конфискация всего имущества, позор, от которого наша семья никогда бы не отмылась. Отец перенес инфаркт. А я... я пришла к Дамиану Стерну. К человеку, который контролировал половину теневого и легального рынка искусства. Я предложила ему себя — свои знания, свою свободу, свою репутацию — в обмен на то, чтобы он закрыл дело отца и оплатил его лечение.

Я думала, что это будет бизнес-сделка. Год работы куратором в его закрытом фонде, выступления на светских раутах в роли красивой спутницы.

Я не знала, что дьявол не берет в аренду. Он покупает навсегда.

— Я знаю о документах, Дамиан, — слова вырываются из меня прежде, чем я успеваю прикусить язык. Музыка взмывает вверх, скрывая мой голос от толпы, но для нас двоих он звучит как гром среди ясного неба.

Дамиан не сбивается с шага. Его рука на моей талии даже не дрогнула, но я чувствую, как его тело мгновенно превращается в натянутую струну.

— О каких документах ты говоришь, любовь моя? — его тон ласков, но в нем лязгает сталь.

— О тех, что лежали в твоём сейфе на вилле в Комо. Я видела переписки. Я видела выписки со счетов подставных фирм, — мой голос дрожит, но я заставляю себя смотреть прямо в его черные глаза. На мои ресницы наворачиваются

слезы, искажая свет люстр. — Это не конкуренты подставили моего отца. Это был ты. Ты сам заказал те подделки. Ты купил экспертов. Ты разрушил жизнь моего отца, довел его до инфаркта... только ради того, чтобы я пришла к тебе.

Я жду, что он начнет отрицать. Что он рассердится. Что он назовет меня сумасшедшей или пригрозит расправой.

Но Дамиан Стерн делает то, от чего моя кровь стынет в жилах. Он улыбается.

Это не улыбка победителя или злодея из дешевого кино. Это улыбка абсолютного, помешанного на мне фанатика. Улыбка человека, который только что признал свою самую темную тайну и не испытывает ни грамма раскаяния.

Он плавно ведет меня в повороте, прижимая к себе так тесно, что, между нами, не остается даже воздуха.

— И что теперь, Аврора? — шепчет он, касаясь губами моей щеки, собирая единственную слезу, которая все-таки сорвалась вниз. Его голос звучит как гипноз. — Что ты сделаешь с этой правдой?

— Я уйду, — говорю я, но это звучит как жалкий, бессмысленный выдох. — Я пойду в полицию. Я расскажу всё прессе.

— Нет, не пойдешь, — мягко, но непрекаемо отвечает он. Его рука скользит вверх по моей спине, пальцы зарываются в мои волосы на затылке, жестко фиксируя мою голову. Он заставляет меня смотреть ему в глаза. — Во-первых, потому что никто тебе не поверит. У тебя нет доказательств, а

я владею половиной медиа в этой стране. А во-вторых... потому что ты не хочешь уходить.

— Ты монстр, — задыхаясь, шепчу я. — Я ненавижу тебя. Ты сломал мою жизнь.

— Я не сломал ее, я очистил ее от лишнего, — спокойно парирует он. В его глазах горит такой собственнический, обжигающий огонь, что я чувствую, как плавлюсь в нем. — Твой отец хотел продать тебя за долги одному из своих партнеров. Я просто сыграл на опережение. Я сжег твой старый мир, чтобы построить для тебя новый. Со мной. Только со мной.

Мой разум кричит, бьется в истерике, умоляя меня вырваться из его рук, устроить скандал, убежать из этого зала, не оглядываясь. Я должна спастись. Он психопат. Он одержим. Моя семья в его заложниках, а моя жизнь — это золотая клетка, из которой выкачали весь кислород.

Но его рука гладит мой затылок, его губы находятся в миллиметре от моих, и меня накрывает такой волной первобытного, больного вожделения, что у меня подкашиваются колени.

Если бы он отпустил меня прямо сейчас, я бы упала.

Парадокс, который ломает мою психику: я знаю, что он разрушил все, что я любила. Но я люблю его руки на своем теле больше, чем собственную свободу. Я заражена им. Он впелся в мое ДНК, стал моим наркотиком, моим ядом и моим единственным противоядием.

Музыка замедляется, затихая. Дамиан останавливается в самом центре зала, не разрывая объятий. Сотни глаз смотрят на нас, но для меня весь мир сузился до его хищного, красивого лица.

— Ты ненавидишь то, как сильно ты меня хочешь, да? — тихо, с болезненной нежностью произносит Дамиан. Он проводит большим пальцем по моей нижней губе. — Ты знаешь, что я чудовище. Но скажи мне, Аврора, глядя мне в глаза... скажи, что ты хочешь уйти, и я открою перед тобой все двери прямо сейчас. Скажи это, и я исчезну.

Он блефует. Я знаю, что он блефует. Он перевернет весь мир, чтобы вернуть меня, если я сделаю хоть шаг за порог.

Но самое страшное не это.

Самое страшное, что я открываю рот, чтобы сказать, «Я ухожу», — и не могу произнести ни звука. Мои губы дрожат. Я цепляюсь пальцами за его смокинг, как утопающий за спасательный круг, понимая, что этот круг тянет меня на самое дно.

— Так я и думал, — удовлетворенно выдыхает Дамиан.

Его губы накрывают мои в собственническом, глубоком поцелуе прямо на глазах у всего высшего света. Зал взрывается аплодисментами, думая, что они смотрят на великую историю любви.

Они не видят, как смыкаются прутья моей клетки. Они не знают, что это история не о любви. Это история о том, как красиво, страшно и безвозвратно можно сойти с ума, ес-

ли дьявол носит идеальный костюм и знает, как звучит твое имя.

И завтра я объявлю о нашей свадьбе.

Глава 2.

Кабинет Дамиана на верхнем этаже его московского пентхауса всегда казался мне святилищем. Здесь пахло темным деревом, выдержанным скотчем и его фирменным парфюмом — тяжелым миксом черного перца, сандала и кожи. Стены были обшиты панелями из мореного дуба, а за панорамным окном, залитым косыми струями дождя, раскинулась Москва — город, который он держал за горло.

Я не должна была здесь находиться.

Но Дамиан уехал на экстренную встречу совета директоров, оставив меня готовиться к вечернему благотворительному балу. Мое платье из изумрудного шелка уже висело в гардеробной, ожидая своего часа. А я... я просто хотела найти свой загранпаспорт. Маленькая, глупая иллюзия контроля. Я хотела подержать в руках бордовую книжечку, чтобы напомнить себе, что Аврора Ланская всё еще существует. Что она не просто красивый аксессуар на сгибе локтя Дамиана Стерна.

Сейф «Buben&Zorweg», вмонтированный в стену за картиной Ротко (оригиналом, разумеется, стоимостью в пару десятков миллионов), издевательски мерцал сенсорной панелью.

Я не знала пароля. Просто стояла перед ледяной черной сталью, чувствуя, как колотится сердце.

Его день рождения? Ошибка.

Дата основания его корпорации? Ошибка.

Мои пальцы дрожали, когда я, подчиняясь какому-то больному инстинкту, ввела шесть цифр. Двадцать первое октября. Мой день рождения.

Механизм тихо щелкнул. Загорелся зеленый диод. Тяжелая дверца бесшумно отъехала в сторону, обдав меня холодным воздухом.

Он поставил мой день рождения на сейф, в котором хранил свои самые грязные тайны. Мой пульс подскочил до висков, отдаваясь в ушах глухим набатом. Одержимый. Больной.

На верхней полке лежали бархатные футляры с бриллиантами, которые он дарил мне каждую неделю. На средней — пачки сто долларовых купюр и флешки. А на нижней... Мой взгляд зацепился за плотную черную папку из натуральной кожи. На ней не было названия. Только серебряный оттиск буквы «Л».

Ланские.

Я протянула руку. Мои пальцы были ледяными, словно я уже умерла, но еще не поняла этого. Вытащив папку, я опустилась прямо на персидский ковер ручной работы.

Мой мир не рухнул. Он сгнил изнутри.

Страница за страницей. Банковские выписки. Отчеты частных детективов. Распечатки писем.

Я смотрела на даты, и перед глазами всё плыло. Полго-

да назад моего отца, владельца трех крупнейших галерей в Европе, обвинили в продаже подделок. Эксперт мирового уровня заявил, что полотна Пикассо, которые мы выставили на торги — фальшивка. Затем налоговая заморозила счета. Затем арест. У отца случился инфаркт прямо в зале суда.

Я помню этот день по секундам. Помню свой животный ужас. Помню, как приползла к Дамиану Стерну, зная, что только его связи в теневом и легальном арт-бизнесе могут остановить эту мясорубку.

«Я отдам всё, — рыдала я на этом самом ковре, цепляясь за его идеальные брюки. — Пожалуйста. Спасите его».

Он поднял меня с колен, вытер мои слезы большим пальцем и сказал: «Ты отдашь мне себя, Аврора».

И я отдала. Я оправдывала каждую ночь в его постели тем, что он мой спаситель. Что моя жертва не напрасна.

Мои глаза бегали по строчкам в папке.

Транш в два миллиона евро на офшорный счет того самого «независимого» эксперта. Отправитель: Acheron Holdings. Дочерняя компания Дамиана.

Переписка с начальником налоговой полиции. Распоряжение Дамиана: «Давите старика Ланского до тех пор, пока у него не откажет сердце или пока девчонка не прибежит ко мне».

Я перестала дышать.

Воздух в кабинете внезапно стал густым, как свинец. Меня затошнило. Желчь подступила к горлу, обжигая пищевод.

Он не спас меня от дракона.

Он сам поджег мой замок, вырезал мою семью и заставил меня целовать его руки за то, что он вынес меня из огня.

Край плотного листа бумаги резанул меня по пальцу. Капля крови упала на белоснежный отчет детектива, расплываясь ярким, уродливым пятном.

— Ищешь что-то конкретное, моя птичка?

Голос ударил меня в спину. Низкий. Спокойный. Смертельно опасный.

Я резко обернулась, едва не задохнувшись.

Дамиан стоял в дверях кабинета. На нем был сшитый на заказ смокинг цвета воронова крыла — он уже переоделся к балу. Ни один мускул на его красивом, высеченном из мрамора лице не дрогнул. Он смотрел на меня сверху вниз, засунув руки в карманы брюк, словно мы обсуждали погоду, а не то, что я только что вскрыла его сейф и нашла доказательства его дьявольской игры.

— Это ты, — мой голос прозвучал как жалкий, сломанный хрип. Я вскочила на ноги, прижимая папку к груди, словно щит. — Это всё был ты! С самого начала!

Дамиан медленно прикрыл за собой массивную дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Я, — просто ответил он.

Никаких оправданий. Никакого шока. Только пугающая, ледяная уверенность хищника, который наблюдает, как жертва бьется в силках.

— Ты разрушил жизнь моего отца! — я сорвалась на крик, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. — Ты довел его до инфаркта! Ты сфабриковал дело, ты подкупил экспертов! За что, Дамиан?! Что мы тебе сделали?!

Он начал медленно надвигаться на меня. Шаг. Еще шаг. Мягкая, текучая походка крупной кошки. Я отступала, пока не уперлась поясницей в край его тяжелого рабочего стола.

— Вы ничего мне не сделали, Аврора, — его голос стал тише, перейдя в тот самый обволакивающий бархат, от которого у меня всегда подкашивались ноги. — Дело не в твоём отце. Дело было в тебе.

— Во мне? — я истерично рассмеялась. Слезы застилали глаза. — Ты уничтожил мою семью ради меня? Ты больной! Ты психопат!

— Я целеустремленный, — он остановился вплотную ко мне. Нас разделяли жалкие сантиметры. Его тепло, его запах мгновенно окутали меня, проникая под кожу, вызывая предательскую дрожь в коленях. — Я увидел тебя на той выставке в Париже два года назад. Ты смотрела на чертову картину Моне, а я смотрел на тебя. И я понял, что ты будешь моей.

— Людей нельзя просто взять и купить! — я с силой швырнула черную папку ему в грудь. Документы разлетелись по полу белым снегопадом.

Он даже не моргнул.

Его большая, горячая ладонь легла на мою шею. Большой палец жестко лег на сонную артерию, чувствуя, как под тон-

кой кожей бешено бьется мой пульс. Мое дыхание сбилось. Я ненавидела его всей душой, я хотела вцепиться ему в лицо, выцарапать его черные, бездонные глаза, но мое тело... мое предательское тело плавилось от его прикосновения.

— Можно, Аврора, — прошептал он, склоняясь к моему лицу. Его губы почти касались моих. — В моем мире покупается всё. Но твой отец был слишком горд, чтобы отдать тебя добровольно. Поэтому мне пришлось лишить его гордости. Я не разрушал твою жизнь, птичка. Я выжег вокруг тебя лес, чтобы тебе некуда было бежать, кроме как ко мне в руки.

— Ты чудовище, — выдохнула я, задыхаясь от слез и той больной, пульсирующей страсти, которая скручивалась тугим узлом внизу живота. Как я могла хотеть человека, который сделал это со мной? Как я могла желать, чтобы он сократил этот последний миллиметр между нашими губами?

— Я дьявол, — согласился Дамиан, и его губы тронула жестокая, собственническая полуулыбка. — А ты теперь принадлежишь аду.

Его вторая рука легла мне на талию, рывком притягивая к себе. Между нашими телами не осталось ни миллиметра свободного пространства. Я чувствовала твердость его мышц под дорогой тканью смокинга.

— Я пойду в полицию, — прошептала я, пытаясь отвернуться, но его пальцы на моем затылке безжалостно зафиксировали мою голову. — Я посажу тебя.

— С чем? С бумажками, которые юридически ничего не доказывают? — он тихо рассмеялся, и этот звук заставил меня содрогнуться. — Ты умная девочка, Аврора. Подумай. Если ты сейчас выйдешь из этой комнаты и попытаешься пойти против меня, знаешь, что случится завтра утром? Твоего отца переведут из частной швейцарской клиники в тюремную больницу. Дело о контрабанде возобновят. А те счета, с которых оплачено его лечение, окажутся оформлены на твое имя. Вы сидите оба.

Слова били наотмашь. Хлестко. Беспощадно.

Капкан захлопнулся. У меня не было выхода. Иллюзия того, что я пожертвовала собой ради благого дела, рассыпалась прахом. Я была не мученицей. Я была просто трофеем, который он забрал силой.

— Чего ты от меня хочешь? — мой голос сорвался, окончательно потеряв силу. Я обмякла в его руках, цепляясь побелевшими пальцами за лацканы его пиджака.

Дамиан опустил голову, касаясь губами моей дрожащей челюсти. От этого легкого, обжигающего поцелуя по моему позвоночнику пробежал электрический разряд.

— Я хочу, чтобы ты надела то изумрудное платье, которое я для тебя купил, — прошептал он прямо мне в губы. Его дыхание пахло мятой и опасностью. — Я хочу, чтобы ты спустилась со мной в бальный зал. И я хочу, чтобы ты улыбалась так, словно ты самая счастливая женщина на земле. Потому что сегодня вечером, Аврора... я собираюсь объявить о на-

шей помолвке.

Мое сердце остановилось.

— Сделай это, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза взглядом абсолютного владельца, — и твой отец будет жить в роскоши до конца своих дней. Попытайся сбежать — и я сотру вас обоих в порошок.

Он отпустил меня так же резко, как и схватил. Отступил на шаг, поправил идеальные манжеты и бросил взгляд на рассыпанные по полу документы.

— Вытри слезы, птичка. Машина ждет внизу.

Он развернулся и вышел из кабинета, оставив меня стоять посреди разгромленной правды. Мои легкие горели от нехватки кислорода. Я посмотрела на открытый сейф, на каплю своей крови на бумаге.

Я должна была бежать. Должна была прыгнуть в окно, кричать, бороться.

Но вместо этого я вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони, повернулась и пошла в гардеробную. Надевать свое идеальное шелковое платье.

Потому что Дамиан Стерн был прав. Я принадлежала аду. И самое страшное заключалось в том, что мне начинало нравиться, как горит пламя.

Глава 3.

Шелк цвета глубокого изумруда струился по моим бедрам, словно жидкий яд. Дизайнерское платье, сшитое на заказ в парижском ателье, обошлось Дамиану в сумму, на которую обычная семья могла бы безбедно жить несколько лет. Оно идеально облегалo фигуру, подчеркивая каждый изгиб, его прохладная ткань должна была ласкать кожу.

Но для меня этот шелк был смиренной рубашкой.

Я сидела на заднем сиденье бронированного «Майбаха», утопая в кремовой коже тончайшей выделки. В салоне царила идеальная, звуконепроницаемая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием шин по мокрому московскому асфальту. За тонированными стеклами смазывались в неоновые полосы огни ночного города — города, которым управлял человек, сидящий в считанных сантиметрах от меня.

Воздух в машине был густым, тяжелым, липким от напряжения. И от него.

Дамиан Стерн сидел расслабленно, закинув ногу на ногу, и просматривал что-то в своем телефоне. На нем был безупречный смокинг-тройка цвета воронова крыла, сшитый по индивидуальным лекалам на Сэвил-роу. Белоснежная рубашка резко контрастировала с его смуглой кожей и черными, как сама бездна, глазами. Он выглядел как ожившее бо-

жество порока из глянцевого журнала. Спокойный. Непро- ницаемый. Абсолютный хищник на отдыхе.

Его бедро — твердое, затянутое в дорожную шерсть — едва заметно прижималось к моему. Между нами был всего слой его брюк и тончайший шелк моего платья, но этот крошечный контакт обжигал меня так, словно к моей коже приложили раскаленное клеймо. Мое тело, мое глупое, предавшее меня тело, реагировало на него помимо моей воли. Низ живота сводило тугим, пульсирующим узлом, а соски предательски затвердели, царапая ткань платья.

Я ненавидела его. Но еще больше я ненавидела себя за то, что физически не могла отстраниться. Гравитация в этой машине подчинялась только ему.

Мое дыхание стало поверхностным. Паника, которую я пыталась затолкать на задворки сознания с того самого момента, как мы вышли из пентхауса, снова начала поднимать свою уродливую голову. Перед глазами, стоило мне лишь моргнуть, всплывали белые листы с кровавыми пятнами из его сейфа.

Банковские переводы. Отчеты детективов. Распоряжения уничтожить моего отца.

Я осознавала масштабы его власти, и от этого осознания меня мутило. Дамиан не просто переиграл обстоятельства — он создал их. Он срежиссировал крах моей семьи, инфаркт моего отца, мой животный страх и мое отчаяние с той же холодностью, с которой сейчас читал котировки акций или

заказывал устранение конкурентов. Если он смог стереть в порошок империю отца просто потому, что захотел заполнить меня, что он сделает, если я сейчас потяну за хромированную ручку дверцы и выброшусь на ходу на проспект?

Он не позволит мне умереть. Это было бы слишком просто. Он соберет меня по кускам, прикует к кровати золотыми цепями и заставит смотреть, как горят остатки моего мира.

— Ты дышишь так, словно мы едем на твою казнь, птичка, — его низкий, вибрирующий голос разрезал тишину салона.

Дамиан не оторвал взгляда от экрана телефона, но я знала, что он фиксирует каждое мое микродвижение. Он считывал мой пульс по тому, как часто вздымалась моя грудь.

Я сглотнула вязкую слюну, заставляя себя повернуть к нему голову.

— А разве это не так? — мой голос прозвучал тише, чем я хотела, но в нем было достаточно яда. — Ты везешь меня на эшафот, Дамиан. Просто в твоём мире палачи носят смокинги, а гильотины украшены бриллиантами.

Он наконец заблокировал телефон. Экран погас, погружая его профиль в полумрак, освещаемый лишь мягкой салонной подсветкой. Дамиан медленно повернул ко мне голову. В его черных глазах не было ни капли раскаяния. Только темный, поглощающий интерес, с которым ученый смотрит на быющую под стеклом редкую бабочку.

— Я везу тебя на твой трон, Аврора, — бархатисто произнес он, и от звука моего имени на его губах по моему по-

звоночнику пробежала ледяная дрожь. — То, что ты путаешь одно с другим — лишь дефект твоего восприятия. Со временем я это исправлю.

— Ты не Бог, чтобы что-то исправлять, — процедила я, впиваясь ногтями в собственные ладони, чтобы болью заглушить страх. — Ты просто психопат с неограниченным счетом в банке. Ты купил меня. Но ты никогда не купишь то, что у меня внутри.

Дамиан усмехнулся. Эта легкая, хищная полуулыбка была страшнее любой угрозы.

Он плавно, не делая резких движений, подался ко мне. Я вжалась в спинку сиденья, но бежать было некуда. Его большая, обжигающе горячая ладонь легла на мое обнаженное колено, скользнув по разрезу платья. Мой пульс мгновенно взлетел до небес. Он чуть сжал пальцы, и этот жест был одновременно лаской и абсолютным, безжалостным подавлением.

— Мне не нужно покупать то, что внутри тебя, любовь моя, — прошептал он, склоняясь так близко, что его губы почти касались моей мочки уха. Запах черного перца и сандала затопил мои легкие, лишая остатков воли. — Потому что то, что внутри тебя, уже тянется ко мне. Ты можешь лгать себе. Можешь играть в оскорбленную невинность. Но когда я касаюсь тебя... ты дрожишь не от страха.

Я закрыла глаза, потому что он был прав. Мое тело рассыпалось на атомы от его близости. Это была больная, урод-

ливая зависимость, которую он привил мне, как вирус.

Машина плавно затормозила. Сквозь тонированное стекло я увидела красную ковровую дорожку, уходящую по широким мраморным ступеням к дверям исторического особняка в центре Москвы. Вокруг толпились люди, вспышки фотокамер разрывали темноту ночи подобно стробоскопам.

— Мы приехали, — буднично констатировал Дамиан. Он убрал руку с моего колена, и я едва подавила стон от внезапной потери его тепла.

Водитель уже заглушил двигатель, но Дамиан жестом приказал ему не открывать двери. Вместо этого он потянулся к скрытому отсеку между сиденьями и достал плотную прямоугольную коробочку из черного бархата.

Мое сердце пропустило удар.

Он нажал на невидимую кнопку, и крышка откинулась. Внутри, на подушке из белого шелка, покоилось кольцо. Россыпь бриллиантов идеальной огранки ослепляла, но в самом центре мерцал огромный, как капля застывшей крови, черный бриллиант. Украшение стоило как бюджет небольшой страны. Оно было тяжелым, вульгарно роскошным и пугающим.

— Повернись, — приказал Дамиан.

Это была не просьба.

Я застыла, тяжело дыша, глядя в его глаза. Секунда неповиновения. Мой последний, жалкий бунт. Но затем я медленно, словно во сне, повернулась к нему спиной, подстав-

для обнаженную шею.

Я почувствовала прикосновение холодного металла к своим ключицам. Колье легло на грудь всей своей немыслимой тяжестью. Но куда ярче я чувствовала жар его длинных пальцев на своем затылке. Дамиан не спешил. Он нарочито медленно застегивал сложный платиновый замок, его подушечки пальцев скользили по моей чувствительной коже, заставляя мелкие мурашки разбегаться по позвоночнику. Он наклонился, и я почувствовала прикосновение его губ прямо над застежкой. Огненная печать.

— Идеально, — хрипло прошептал он в мои волосы.

Для всего мира это будет доказательством его безмерной щедрости и любви. Для него — клеймом владельца. А для меня это был ошейник. Холодный, усыпанный камнями ошейник, который окончательно перекрывал мне кислород.

Дверца со стороны Дамиана распахнулась. В салон ворвался шум толпы, крики репортеров и ледяной ночной воздух. Дамиан вышел первым, безупречный и властный, мгновенно приковав к себе сотни взглядов. Затем он повернулся и протянул мне руку.

Я смотрела на эту широкую ладонь с идеальным маникюром и массивным перстнем. Руку монстра, который сжег мою жизнь.

Вспышки камер ударили по глазам сквозь открытую дверь, ослепляя. Они ждали меня. Они ждали жертву, которую выведут на заклание, чтобы растерзать её на страницах

утренних таблоидов. Я должна была заплакать. Должна была молить о пощаде.

Я сделала глубокий, судорожный вдох. Ледяной воздух обжег легкие, и в этот момент в моей голове что-то надломилось. С характерным, стеклянным хрустом.

В этом мире не было рыцарей на белых конях. Полиция не приедет. Мой отец продал бы меня сам, если бы Дамиан его не опередил. Если ты попадаешь в ад, бесполезно плакать и просить чертей о пощаде. Они лишь посмеются и подкинут дров. Если ты в аду... тебе нужно стать самой опасной тварью в этом пекле.

Я перестала дрожать. Металл ошейника на моей шее внезапно перестал казаться тяжелым. Он стал моей броней.

Я подняла подбородок, натянула на лицо идеальную, выскомерную улыбку, которой учили меня гувернантки в детстве, и вложила свои пальцы в горячую ладонь дьявола.

— Идем, — мягко сказал Дамиан, помогая мне выйти из машины.

Я шагнула на красную ковровую дорожку под ослепительный град фотовспышек. Я слышала, как толпа ахнула, ослепленная нашим выходом. Дамиан Стерн думал, что запер меня в своей клетке. Он не знал, что, надев на меня это кольцо и этот ошейник, он сам пустил меня в кровеносную систему своей империи.

И я собиралась стать для него смертельным вирусом.

Бальный зал старинного особняка утопал в золоте и свете

хрустальных люстр эпохи Романовых. В воздухе, пропитанном ароматами дорогих нишевых парфюмов, витал гул голов — здесь собралась вся элита. Министры с натянутыми улыбками, нефтяные магнаты, владелицы глянцевого империй в платьях от кутюр, стоимость которых превышала годовой бюджет маленького города.

Но стоило нам с Дамианом переступить порог, как этот идеальный, сверкающий мир дрогнул.

Я чувствовала это кожей. Толпа расступалась перед ним не из вежливости. Она расступалась, как Красное море, повинувшись первобытному, животному инстинкту выживания перед лицом высшего хищника. Дамиан шел сквозь зал с грацией крупной кошки, его рука собственнически, жестко покоилась на моей талии. Его пальцы слегка впивались в мой бок сквозь тончайший изумрудный шелк, и этот физический контакт посылал по моим венам разряды электрического тока.

— Дамиан Викторович! Какая честь, — к нам тут же подлетел седовласый председатель национального банка, чуть ли не кланяясь. Его глаза нервно метнулись ко мне, оценивая тяжелое бриллиантовое кольцо на моей шее. — Аврора, вы ослепительны.

— Благодарю, — мой голос прозвучал ровно, без единой дрожи. Идеальная кукла с идеальной дикцией.

Дамиан не удостоил банкира даже полноценным взглядом. Он лишь коротко кивнул, продолжая вести меня в са-

мый центр зала, туда, где пространство было свободно от столиков. Я чувствовала, как на нас смотрят сотни глаз. Мужчины смотрели с завистью, женщины — с жадным, ревнивым любопытством. Они видели прекрасного принца и его трофей. Никто из них не чувствовал того удушающего запаха пороха и крови, которым для меня несло от идеального смокинга моего спутника.

— Они едят тебя глазами, — произнес Дамиан, склонившись к моему уху. Его дыхание обожгло мою кожу, и я непроизвольно сжала бедра, чувствуя предательскую влагу. Мое тело сходило с ума от его близости, даже когда разум кричал от ужаса. — Если бы мы не были на публике, я бы вырвал глаза каждому, кто задержит на тебе взгляд дольше трех секунд.

— Ты не можешь контролировать весь мир, Дамиан, — тихо отозвалась я, глядя прямо перед собой.

— Мне не нужен весь мир, Аврора. Мне нужна только ты. И я контролирую тебя абсолютно.

Его слова ударили под дых, выбивая воздух. Я вспомнила папку в его сейфе. Да. Он контролировал всё. Жизнь моего отца. Мои банковские счета. Мое будущее.

Внезапно Дамиан остановился. Мы оказались в самом центре бального зала. Он поднял свободную руку, сделав едва уловимый жест двумя пальцами, адресованный куда-то в сторону балкона.

В ту же секунду живой оркестр, игравший Шопена, смолк.

Прямо посреди такта.

Тишина, обрушившаяся на зал, была оглушительной. Разговоры оборвались. Звон бокалов прекратился. Сотни людей замерли, как марионетки, которым кукловод внезапно перерезал нити. Все взгляды скрестились на нас. Я почувствовала, как по спине стекает капля ледяного пота. Мое сердце забилося где-то в горле, пульс грохотал в ушах так громко, что я боялась, стоящие рядом люди его услышат.

Дамиан медленно повернулся ко мне. Он отпустил мою талию и сделал полшага назад, оставляя меня стоять под прицелом сотен глаз, совершенно незащищенную.

Его лицо было высечено из обсидиана. Абсолютная, темная власть. Он обвел взглядом замерший зал, наслаждаясь их вниманием, впитывая их страх и благоговение, а затем снова посмотрел на меня.

— Дамы и господа, — его голос, усиленный идеальной акустикой зала, не был громким, но он проникал под кожу каждого присутствующего. В нем звучала спокойная, безжалостная уверенность человека, которому принадлежит всё, на что падает свет. — В бизнесе я привык приобретать только лучшие активы. Я инвестирую в искусство, потому что оно бесценно. Но ни один шедевр эпохи Возрождения не сравнится с тем, что стоит сейчас передо мной.

Толпа затаила дыхание. Я перестала дышать вместе с ними. Воздух стал густым, как сироп. Мои колени задрожали, и мне потребовалась вся сила воли, чтобы не пошатнуться.

— Аврора Ланская, — он произнес мое имя так, словно пробовал на вкус дорогой, выдержанный яд. — Девушка, которая принесла свет в мою темную империю.

Это была ложь. Красивая, кинематографичная ложь для обложек глянца. Он не хотел света. Он хотел затащить меня в свою тьму и заставить забыть, как выглядит солнце.

Дамиан засунул руку во внутренний карман смокинга. Свет хрустальных люстр отразился в его черных глазах, когда он достал квадратную коробочку из черного бархата.

По залу пронесся коллективный, восхищенный вздох.

Он не встал на одно колено. Такие мужчины, как Дамиан Стерн, не преклоняют колени ни перед богами, ни перед женщинами. Он просто открыл коробочку прямо на уровне моей груди.

Там не было классического прозрачного бриллианта. На белом шелке лежал гигантский, пугающе идеальный черный бриллиант в оправе из платины. Он был похож на сгусток застывшей темноты. Кольцо для королевы преступного мира.

— Стань моей женой, Аврора, — произнес он.

Для толпы это прозвучало как романтическое предложение. Для меня это был приговор. Ультиматум, написанный кровью моего отца на страницах из его сейфа.

В его взгляде, прикованном к моему лицу, не было ни капли вопроса. Там была сталь.

«Скажи нет, — кричали его черные глаза. — Скажи нет при всех, откажи мне, и завтра твой отец сгниет в тюремной

больнице. А ты будешь стоять на коленях и умолять меня вернуть всё назад. И я откажу».

Секунды растянулись в вечность. Тишина в зале стала невыносимой, физически давящей. Я чувствовала, как на меня смотрят камеры папарацци, как блестят глаза светских львиц. Я стояла на эшафоте, и палач протягивал мне петлю, украшенную драгоценными камнями.

Мой внутренний мир раскалывался на части. Дрожь в теле стала почти неконтролируемой. Хотелось закричать. Ударить его. Плюнуть в это идеальное, дьявольское лицо и убежать босиком по этому паркету в московскую ночь.

Но если я это сделаю — я проиграю. Я останусь жертвой. Сломанной, уничтоженной, нищей девочкой, которую раздавил миллиардер.

И именно в эту долю секунды, под светом ослепительных люстр, в моей душе умерла прежняя Аврора. Наивная студентка Сорбонны, верившая в справедливость и честность, рассыпалась пеплом. На её месте из этого пепла поднималось что-то новое. Что-то холодное, темное и смертоносное.

Ты хочешь купить меня, Дамиан? — подумала я, чувствуя, как ледяное спокойствие заливает мои вены, вытесняя страх. — Ты думаешь, что ставишь мне мат? Ты просто пускаешь троянского коня в свою крепость.

Мои губы перестали дрожать. Я сделала медленный, ровный вдох. Расправила плечи, демонстрируя свою длинную

шею и ошейник, который он на меня надел.

Я не отвела взгляд. Я смотрела прямо в бездну его глаз, и впервые бездна вздрогнула, не узнав того, что увидела в ответ. Вместо слез затравленной лани он увидел в моих глазах отражение собственного безумия.

Я медленно, грациозно подняла левую руку. Мои пальцы, еще минуту назад ледяные, теперь горели от адреналина.

— Да, Дамиан, — произнесла я, и мой голос прозвучал так же чисто и властно, как его собственный. — Я стану твоей. Навсегда.

Его челюсть едва заметно напряглась. Он понял. Он почувствовал этот сдвиг в моей ауре, но отступать было поздно.

Он вынул кольцо из бархатной щели. Его длинные пальцы обхватили мою кисть, большой палец с силой надавил на пульсирующую вену на запястье. Металл скользнул по моему безымянному пальцу. Кольцо село идеально, словно было отлито прямо на моей кости. Оно было тяжелым. Оно было холодным. Оно было моим оружием.

Зал взорвался. Аплодисменты ударили по ушам подобно грому, кто-то закричал «Браво!». Вспышки камер превратили центр зала в эпицентр взрыва сверхновой.

Дамиан притянул меня к себе, рывком сокращая расстояние. Его рука жестко легла на мой затылок, пальцы зарылись в прическу, разрушая идеальную укладку. Он наклонился и впился в мои губы поцелуем.

Это не был поцелуй жениха. Это было столкновение двух комет. Безжалостный, властный, голодный укус, полный собственнической ярости и темного триумфа. Он смял мои губы, его язык проник в мой рот, подчиняя, клеймя, забирая весь кислород.

Мое тело отреагировало мгновенно. Низ живота вспыхнул диким, пульсирующим жаром. Но на этот раз я не просто покорилась. Я ответила. Я вцепилась пальцами в лацканы его смокинга и ответила на поцелуй с такой же отчаянной, больной страстью. Я кусала его в ответ, смешивая на наших губах вкус дорогого шампанского и железа.

Когда он, тяжело дыша, оторвался от моих губ, в его глазах полыхал настоящий пожар. Он смотрел на меня так, словно видел впервые.

Толпа вокруг нас редела от восторга. Музыканты снова ударили по струнам, играя торжественный туш.

Но для меня существовал только этот монстр. Мой монстр.

Я опустила взгляд на черный бриллиант на своем пальце, а затем снова посмотрела на Дамиана. На моих губах расцвела идеальная, холодная улыбка — точная копия его собственной.

Оркестр плавно, перешел от торжественного туша к медленному, тягучему вальсу. Звуки виолончелей завибрировали в воздухе, заполняя балльный зал густой, мрачной мелодией в минорной тональности.

Толпа, всё еще гудящая от шока и восторга, послушно отступила назад, образуя широкий круг на блестящем паркете. Они освобождали арену для нас. Для короля и его новой королевы.

Дамиан не спрашивал моего разрешения на танец. В его мире вообще не существовало такого понятия, как разрешение. Его левая рука, обтянутая манжетой безупречной белоснежной рубашки, властно перехватила мои пальцы. Правая ладонь широким, собственническим жестом легла на мою поясницу, прямо на оголенный вырез изумрудного платья.

Его пальцы обожгли мою голую кожу. От этого контраста — ледяного шелка и его раскаленной ладони — я судорожно вдохнула.

Мы сделали первый шаг. Затем второй.

Это не было похоже на классический вальс. Это был акт первобытного доминирования, переведенный на язык танца. Дамиан вел меня жестко, бескомпромиссно, заставляя мое тело подчиняться каждому микроскопическому импульсу его мышц. Я чувствовала твердость его бедер сквозь плотную шерсть брюк, каждый раз, когда он шагал на меня, вынуждая отступать. Его шаг — мое отступление. Его натиск — мой прогиб.

Мое тело, предательски чуткое ко всему, что было связано с этим монстром, отзывалось пульсирующим жаром. Низ живота сводило от того, как наши тела терлись друг о друга в ритме музыки. Запах сандала, черного перца и мужского по-

та одурманивал, проникая в кровь быстрее любого алкоголя.

— Видишь? — его голос, низкий и вибрирующий, прозвучал над самым моим ухом. — Это было не так уж больно, моя птичка.

Я подняла глаза. На его красивом, высеченном из мрамора лице играла та самая фирменная, дьявольская полуулыбка победителя. Он искренне считал, что сломал меня. Что черная папка из сейфа стала тем самым молотом, который разбил вдребезги мое сопротивление.

— Ты создана для этого кольца, — продолжил он, когда я промолчала. Его большой палец погладил голую кожу на моей спине, вызывая россыпь мурашек. — И для того, чтобы стоять здесь. Со мной. Покорной.

Внутри меня больше не было паники. Тот стеклянный хруст, который я слышала в своей голове возле машины, изменил всё. Страх выгорел, оставив после себя лишь кристально чистую, ледяную ярость.

— Покорной? — я слегка изогнула бровь, глядя прямо в его черные, бездонные глаза.

Я не отвела взгляд. Не опустила ресницы, как делала раньше, когда не могла выдержать давления его ауры. Я заставила свои губы растянуться в медленной, расчетливой улыбке. Точной копии его собственной.

Дамиан на долю секунды сбился с шага. Едва уловимо. Никто в зале этого не заметил, но я, намертво прижатая к его груди, почувствовала это секундное замешательство. Его

зрачки расширились, поглощая радужку.

— Ты думаешь, что поставил мне мат, Дамиан? — мой голос был тихим, ровным, но в нем лязгала сталь, о существовании которой я сама не подозревала еще час назад.

Мы плавно вошли в поворот. Свет хрустальных люстр на секунду ослепил меня, а затем мир снова сузился до его хищного лица.

— Я не играю в шахматы, Аврора. Я просто забираю доску, — парировал он, но в его тоне появилась новая нота. Настороженность. Острая, пронзительная заинтересованность.

— Ошибаешься, — я скользнула левой рукой, на которой теперь сиял гигантский черный бриллиант, вверх по его плечу, зарываясь пальцами в короткие темные волосы на его затылке. Этот жест был интимным, дерзким, непозволительным. Дамиан шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы. — Мы играем, Дамиан. И ты совершил самую фатальную ошибку, которую только может совершить гроссмейстер.

— И какую же? — он притянул меня к себе так близко, что моя грудь была сдавлена от давления его грудной клетки. Между нами искрило. Воздух вокруг нас накалился до предела, готовый вспыхнуть от одной искры.

Я чуть приподнялась на носочках, повинувшись его хватке, и склонилась к его уху. Мои губы скользнули по его напряженной челюсти. Я почувствовала, как бешено бьется жилка на его шее. Он тоже был не железным. Он тоже зависел от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.